

United States Holocaust Memorial Museum

Interview with Tatjana Stojanova

RG-50.575*0007

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

Вопрос: Здравствуйте! Представьтесь, назовите Ваше имя и фамилию, где и когда Вы родились.

Ответ: Меня зовут Татьяна Филипповна Стоянова, по мужу я – Фолкт, я родилась в Одессе в 1922 году, 25 декабря. И с 1944 года я живу в Голландии, но регулярно приезжаю в Одессу.

Вопрос: До этого Вы жили в Одессе?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы были здесь в годы оккупации?

Ответ: Да.

Вопрос: Я хотел бы, чтобы Вы рассказали любые увиденные Вами эпизоды оккупации, связанные с преследованием евреев.

Ответ: Это очень грустные воспоминания, и когда я думаю о том, те немногие случаи, которые я видела, они были настолько страшные, во всяком случае, для меня, что мне до сих пор очень трудно об этом рассказывать. Первый тяжелый момент был на второй или третий день оккупации, когда мы с родными, знакомыми жили на одиннадцатой станции Фонтана, потому что в городе было просто опасно, бросали бомбы и так далее. Мы жили на одной даче, но через 2-3 дня после входа сюда румынских и немецких властей, мы решили, что нужно идти посмотреть, что делается в наших домах, в наших квартирах. И вот мы большой компанией... трамваи не ходили, и мы пошли пешком. Дорога туда мне ни о чем не говорит. Но через два дня, которые мы провели в городе, мы собрались в обратный путь. И вот это путешествие с Нежинской улицы на одиннадцатую станцию Фонтана запечатлелось у меня буквально фотографически в сердце. Потому что, когда мы дошли где-то в Александровском парке до какой-то улицы, мы увидели, что перед нами стоит виселица. Мы старались как можно скорее свернуть вбок, чтобы не попасть на это место. И мы дошли под очень сильным впечатлением одной только виселицы издали. Мы начали идти по Люстдорфской дороге, как мы ее называли, но она называется иначе, которая идет от вокзала на Люстдорф, к кладбищу. И вот эта дорога – она была страшной! Мы с самого начала, еще от вокзала, увидели, что вся дорога была забросана вещами, которые люди, по всей вероятности, бросали на ходу. Там были какие-то портфели, бумаги, раскрытые паспорта, втоптаные в грязь, и фотографии. Мы ни к чему не прикасались. Но видно было, что это за день до нас на этом месте проходили толпы людей. И мы решили, что это, конечно, евреи, которых ввели в тюрьму. Это было их первое место заключения. Что с ними потом стало – неизвестно. Но вот пройти этот путь как раз мимо кладбища по направлению к тюрьме – это было страшно, потому что вы чувствуете, что имеете дело с живыми людьми! Эти паспорта, какие-то игрушки детские, башмаки – это было много всяких вещей, которые были затоптаны в грязь, и мимо этого всего мы проходили. Это было самое страшное впечатление!

Вопрос: Как Вы думаете, от каких людей остались эти вещи? Что за люди могли пройти там?

Ответ: Я думаю, что это все-таки были бедные люди, те, которым не удалось спрятаться, уйти. Но мы не сомневались в том, что здесь проходили евреи.

Вопрос: Почему Вы думали, что евреи?

Ответ: Потому что уже какие-то слухи ходили, что будут хватать евреев и так далее. Нас было человек 10, которые шли вместе назад на дачи. И разговоры, которые уже происходили в Одессе – все это предсказывало, что это должна была быть большая толпа евреев, которых били, потому что мы явно видели кровь! Мы как раз не сомневались в том, что это должны были быть евреи.

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: Вы рассказали про Александровский парк и виселицу. Вы видели там повешенных?

Ответ: Да.

Вопрос: Что это были за люди?

Ответ: Я не могу сказать, потому что мы не дошли до виселицы, а сразу пошли вбок.

Вопрос: Это была специальная виселица или деревья?

Ответ: Нет, это была специальная виселица, и человека три там висело. И мы сразу постарались уйти с проспекта.

Я забыла сказать одну вещь, которая имело места на два дня раньше. Румынские войска на лошадях входили в Одессу. Мы жили почти на одиннадцатой станции Фонтана. И вот мы вышли на самую станцию. А там находится большая арка. И вот там была остановка трамвая. Трамваи уже не ходили. Наверное, по каким-то слухам стало известно, что здесь пройдут румыны. Это было вечером, но было еще светло. И мы увидели, как со стороны тринадцатой станции появился отряд, конный отряд. Люди были в невероятно больших фуражках румынской формы, и они медленно проезжали мимо нас. Для меня это было страшное впечатление, потому что ты чувствовал, что у тебя никакой связи с этим не было. Откуда они появились, и что будет дальше? Какие-то люди подходили, давали им цветы. Они проехали минут 10-15, и мы разошлись по домам. Вот это была первая встреча с врагом. Это было в день входа румын. А дня через два вот мы решили пойти посмотреть, что делается с нашими квартирами в городе - то, что я рассказала раньше. У нас было все спокойно. Но дом, в котором я жила - это было на Нежинской – дом был очень большой, капитальный, не знаю, сколько народу там было. Люди тогда жили не по квартирам, а по комнатам. Вот в нашей квартире было 6 комнат, в каждой комнате жила другая семья. И вот все люди, за исключением нас и еще одной семьи, все они исчезли. Это были евреи. То же случилось в доме. Дом был совершенно пустой.

Вопрос: Откуда Вы знали, что это были евреи?

Ответ: Я знала по нашей квартире. У нас в квартире жили три семейства евреев, которые исчезли.

Вопрос: Как выглядели их комнаты, когда Вы пришли?

Ответ: Они были открыты, некоторые вещи уже кто-то приходил, забирал. Вообще, непонятно, что творится. Мы пришли в свою комнату.

Вопрос: При Вас никто не приходил?

Ответ: Нет. Но явно было, что люди носили что-то сверху вниз, какую-то мебель. Дом был пустой.

Вопрос: После этого Вы находились вне города?

Ответ: Да, мы поехали назад на Фонтан.

Вопрос: А Вы бывали еще в городе?

Ответ: Через несколько дней, может, через неделю, мы все уехали оттуда, потому что наступило более-менее стабильное время, и мы поехали на нашу квартиру. У меня тогда была подруга Трилистская Тамара. У нее была бабушка. Они жили недалеко от нас на Новосельской. У нее отец был украинец, а мать - еврейка. И отец, и мать погибли: они были расстреляны в 1939 году. Вероятно, это было в связи с так называемой «украинизацией» - не знаю, что это было. Но эта

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for errors. Tamara Trielistka is a survivor of the Holocaust. This document should not be cited or used without citation. If you are the interviewee.

какие-то знакомые поместили ее в квартире в Колодезном переулке. Она была там в совершенно

пустой квартире. И вот несколько раз я вместе с подружкой Тamarой ходили туда, чтобы принести ей поесть чего-то. Ну и потом через некоторое время она просто исчезла: когда люди пришли ее навестить, ее там не было. Так она пропала.

Вопрос: Кто пришел навестить?

Ответ: Это были друзья.

Вопрос: Не Вы?

Ответ: Нет, меня там не было.

Вопрос: Вы сами этого процесса исчезновения не видели?

Ответ: Нет, я только слышала моментально, что бабушка пропала, потому что мы общались очень тесно друг с другом.

Вопрос: Из-за чего это исчезновение могло произойти?

Ответ: Потому что кто-то донес, наверное: пустые квартиры, а живет женщина.

В том же районе Новосельской – Нежинской ... рассказ о врачах, причем врачи были высоко дипломированные. Это были профессора. Один врач был по женским болезням, другой – по какой-то другой. И вот им было дано не то что право, а, может быть, какая-то отсрочка жить в своей квартире и вести практику. Причем практика эта – туда приходили пациентами только румынские семьи, чиновники и так далее. Это я знаю, потому что я из врачебной семьи, многие из моих дядей работали в Медине и преподавали. И вот шли такие разговоры, что им давали возможность оставаться в квартирах и принимать пациентов, и что пациенты эти были румынские граждане.

Вопрос: А кто были эти врачи?

Ответ: Я фамилии забыла, но это были известные врачи. Они были евреи, но получили разрешение вести практику, поскольку румынам это было на руку, им нужны были врачи.

Вопрос: Но это Вы знаете по слухам. Еще что-то Вы можете рассказать? Эпизоды, связанные с евреями, которые Вы сами видели?

Ответ: Мне кажется, нет... Это были вещи не просто так, маленькие эпизоды. Это входило в душу и в жизнь, и человек вообще не знал, на земле он находится или в аду.

Вопрос: Я хотел бы спросить об общей обстановке оккупации. Здесь были какие части, войска?

Ответ: Здесь были и немцы, и румыны. Немцы были, по-моему, там, где сейчас занимает место кино «Одесса», недалеко от Преображенской. Там сначала было Офицерское Собрание, когда-то потом был Дом Красной Армии, и потом – вот этот «солдатенхейм», как его называли. Это было место, где встречались офицеры-немцы и так далее. Это было недалеко от нашего дома, так что мы проходили каждый день почти там и видели это.

Вопрос: А не встречали ли Вы в Одессе людей из других стран, помимо немцев и румын?

Ответ: Нет, не встречала. Я только слышала потом. Уже после войны я была в Италии, у моего мужа там родственники. И вот там я встретила с человеком, он был очень известен. Его звали Марио

The following transcript is the result of a recording of an interview with the interviewee in Odessa, Ukraine. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

Вопрос: А еще были фашисты из других стран?

Ответ: Я других не знаю.

Вопрос: Были другие люди, помимо военных? Я знаю, что сюда приезжали поднимать суда.

Ответ: Это другая история! Была целая группа голландцев, которые приехали сюда под начальством инженера из Нотрдама, фамилия его была фон Винен. И вот этот фон Винен приехал сюда с целой компанией, может, их было 20, может, 30 человек. Я их видела на улице. У них была своя форма: черная, с какими-то красными оторочками. Это были люди, специалисты по подъему судов. Когда уходили советские части, они потопили не знаю сколько, но много кораблей в порту. Вот эта компания голландская приехала сюда на работу под предводительством немцев, чтобы эти суда поднимать. Этих людей я видела. Они отличались, они бросались в глаза, потому что ходили в черной непонятной форме, но я знала, что это голландцы.

Вопрос: О чем свидетельствовала их форма?

Ответ: Это была фашистская голландская форма.

Вопрос: Это Вы знали еще тогда?

Ответ: Да.

Вопрос: Где они жили?

Ответ: Они жили на частных квартирах.

Вопрос: Они жили не вместе?

Ответ: Нет!

Вопрос: Вы с ними не общались?

Ответ: Нет.

Вопрос: Я хочу вернуться к тому, что Вы рассказывали в самом начале. Вы где-то на улице видели следы прошедшей толпы. Что Вы видели там среди вещей?

Ответ: Самые невероятные вещи. Во-первых, там были портфели, там были книги, там были тетради. Но что особенно поражало – это документы. Явно, что какие-то документы, паспорта мы видели. Ни для кого не было загадкой то, что здесь прошли евреи. Эти несчастные куклы, которые там валялись! Причем это все было такого качества, что было жалко! Это были какие-то вещи людей, которые были небогаты. Это нас поразило очень.

Вопрос: Вы сами не заглядывали в эти документы или паспорта?

Ответ: Я не заглядывала, в руки не брала. Но очень много документов лежали просто раскрытыми.

Вопрос: Вы не читали их?

Ответ: Не помню, боюсь говорить.

Спасибо!

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.

<http://collections.ushmm.org>
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection

The following transcript is the result of a recorded interview. The recording is the primary source document, not this transcript. It has not been checked for spelling nor verified for accuracy. This document should not be quoted or used without first checking it against the interview.

The interview is part of the United States Holocaust Memorial Museum's collection of oral testimonies. Information about access and usage rights can be found in the catalog record.